

ТРЕПАЧ

Еженедѣльный журналъ
сатиры, юмора и вопче.

Девизъ „Трепача“:
— Бей его, — я его знаю!!

— Сосѣды Вы за что и надолго-ли? Я — бывший усмиритель рабочихъ волненій. Завтра уѣзжаю въ Крымъ на свою дачу.

— А я интеллигентъ. Буду сидѣть еще полгода за распитіе бутылки мадеры у пріятеля. Завтра кандалы надѣваю.

РАЕШНИКЪ.

Петроградъ,
21 Мая.

На дняхъ пойду сниматься, потому страсть интересно полюбоваться, на что похожа моя симпатичная рожа, чалая, кудлатая, бородака конопатая, лысина знаменитая, скула Палагеей супругой подбитая, фонари, подставленные наследникомъ Митрошкой и вся головушка, причесанная Кабысдохомъ, коцкой.

Полагаю, что похожъ на барана во время пожарнаго урагана: заметался, растерялся, и въ самомъ огнѣ остался, и на мордѣ выражение:

— Чего, дескать, тамъ всё орутъ? Чего тамъ всё за перинами прутъ? А я, дескать, сяду въ уголокъ, а васъ бы всёхъ чертъ уволокъ!..

У меня тоже такое настроеніе было, и отъ этого такое кислое рыло, и въ душѣ мерехлюндія,— одно слово—эсенція!!

До революціи я самымъ лѣвымъ считался, потому звободы добивался, Марковичъ—Дубровиничъ крылъ по чемъ зря, не трогалъ только самого батюшку—царя, потому до того уважалъ, что основнымъ листикомъ дрожалъ, только вспоминая бывало про евоиную андельскую харю...

Ну, дожиль до республики, благодаря обывательской публикѣ и прочимъ обстоятельствамъ, и теперича остается мнѣ одно:

— Махнуть за Распутиничъ на дно...

Избрали министромъ Гучкова... Не надо намъ такого, подавай Милюкова!!

Дали Милюкова, ревъ пошелъ снова:

— Министровъ такого сорту гнать надо къ свиначьему черту, вонъ Милюкова къ дьяволу.

Милюкова убрали, Церетелли избрали. Ходилъ Церетелли, что ученый конь у Чинизелли, только одной лѣвой ногой...

Глядь, нуженъ сталъ другой.

— Пачиму Церетелли лѣвый очень немного, у насъ Республика, слава Богу, подавай намъ лѣваго такого, чтобы лѣвѣе самого Юрія Стеклова...

Юрія Стеклова министромъ избрали, два дня молчали, а потомъ заголосили:

— Гдѣ у насъ, чертей, глаза то были?! Кого нашли? Куда искать пошли! Этому не мишуромъ, а мишуресомъ быть за евоиную пруть, потому эдакъ и до поножовщины недалеко...

Убрать этого новоявленнаго пророка...

Однимъ словомъ—не потрафишь!..

А война все продолжается, кровь человѣчья все проливается за Босфорскіе проливы, за ангорскія сливы, за Ротшильдовскіе капиталы, а внутри поножовщина и скандалы...

А я хитрый старичника... Ну, думаю, теперь безъ смѣшного человѣка—крышка. Надо, молъ, публику чѣмъ нибудь развеселить, чѣмъ нибудь раземѣшить, чтобы не очень тужили...

— И вѣрно, братцы, еще хуже жили, а это проживемъ! еще какъ запоемъ,—плюнь, братцы, на политику и исторію, записывайся въ мою категорію,—„веселыхъ ахмураль“...

— Есть у насъ профессиональный журналъ, „Трепачомъ“ называется, компанія округъ него большая собирается, платформа самая широкая,—ей Богу, ребятки,—шире мясной площадки...

Кто хочеть—смѣйся и на лучшее надѣйся, а унывать нечего... Поживемъ до вечера...

Чего тамъ... И хуже было!!

Читатели и чтницы, отводится вамъ въ „Трепачъ“ три страницы, пиши, кто хочеть: человѣкъ, большевикъ или кочеть, рабочий, конторщикъ, прачка, наборщикъ, столяръ и пекаръ, дворникъ и аптекаръ, балерина и ханжистъ, бухгалтеръ и артистъ, рыжий, голенастый и карій, миллионеръ и пролетарій, пролетарій особливо, потому „Трепачъ“ нашъ не барскій, а пролетарскій.. Пиши, кто что хочеть, пушай публика похочеть. Время такое, что смѣху мало; наговорились поди до отвала, а теперь хорошо лечь на печь, почесывать животикъ и хохотать во весь ротикъ, потому—счастье на Руси. Тутъ и есть наша платформа.

Евст. Богоявленскій.

Безбилетные

— Минъ теперича на все плевать съ высокога, но зеленога дуба: желтыхъ билетовъ нѣтъ. А ты чего?

— „Чего“, „чего“!.. Бѣлые билеты отбирають.

СВОБОДА.

— Тошиша. Такъ вотъ и подмываетъ имъ въ хлебово заѣхать, но стѣсняюсь. А заѣду,— это какъ пить дать,—не такой я человекъ.

— Затѣнись, Мишка. Чего тамъ? Мотри: солнце-то, слобода то! Грудь распираетъ! Не умеръ бы до смерти, хорошо, но нѣ праздники нерушимый.. Весна—красна.

— Рвань ты, Федька. Муха... Не то—я. Хотя и цыпля можетъ въ жисти, да крылья орлиныя дадены. Съ солнцемъ рядомъ летѣть хочу! А тугъ? Какъ есть насѣкомая вошь. Присосись къ жирному куску, пиявъ хоботомъ, что цивилизаціей подъ начальствомъ социализма обзывается.

— Социализма—святая вещь.

— Это ты сядь. Дурацкая—это вѣрно.

МАЙ.

Знаю положительно:
— Дважды два—четыре,
Что вся жизнь рѣшительно
Измѣнилась въ мирѣ.

Птицы и животныя,
Кажется, сбѣсились,
Люди беззаботные
Форменно сдурились.

Прапорщику мамочка
Сувула записку,
За дверями палочка
Цѣловаль модистку.
Братецъ бросилъ Ле-

нина,

Прыгаетъ теленокъ;
— Было, грить, помелено.

А теперъ—къ дѣвчонкамъ!

У сестрицы Любочки
Роковая тайна:

Что-то стали юбочки

Уаки чрезвычайно.

Дядь слѣпой жуируетъ.

Сталъ ужасно зорокъ:

Все въ бинокль штудируетъ.

Икрыныхъ капорокъ.

Въ кухнѣ шумъ тайственный:

У кухарки Насти

Кумъ пытитъ воинственный:

Изъ пожарной части.

Котъ сдурился бестія:

Машкѣ подъ балкономъ

Подаетъ извѣстія

Страшнымъ баритономъ.

Телка садомъ тычется.

Мѣста не находятъ...

— Что это, Владычица,

Въ свѣтѣ происходить?!
Мнѣ чего-то хочется,

А чего—не знаю...

Плачется... хохочется...

Н—нѣтъ, не понимаю...

Гимназистка VII кл.

Вален. Сер—ва

„Равноцавіе по всѣмъ статьямъ“ „Что твое—то мое и все общее“. Умора!

— Рази худо?

— Тошно, говорю. Заплакалъ бы—до чего обидно и досадно. На-ко-сь, чтобы тигръ съ мышью на одной доскѣ? Да я бы когтями грудь свою разодралъ, что мы одинаковыми почитаемся. Дѣйстви-тельно.

— Ужъ ежели на то пошло, то раньше куды лучше было. Покрайности жилъ. А то въ примѣръ, какъ-бы вотъ набросился на тебя звѣрь лютый, и у тебя силищи—во! Ну ты его и такъхватишь, и этакъ,—глаза горять, хрипишь, потѣешь. Весь стальной отъ натуги, зубы звѣря даже нейдуть, и воттъ—хрясьсь!—и готовъ звѣрь. Сдохъ. Побѣдилъ ты...

— Ура, конечно! Миръ потемъ. Рай земной.

— Дурость земная—вот что. Чего ты радоваться то будешь? Что звѣрь подохъ? Ну какая корысть, ежели онъ подохъ, свинья ты деликатная? Одѣнешь его шкуру, сожрешь мясо и все? Да рази ты тогда человекъ будешь? Свинья, какъ есть настоящая, только при гаврилкѣ и мурло приплевано...

— Рай земной? Водича кипяченая, фрухта печеная, поганина копченая, тѣфу!

— Пойдемъ, довольно щетиниться тебѣ.

— Слякоть. Нѣтъ настоящаго. Текеть себѣ такая широ-о-окая рѣчка, а глубины на вершокъ. И солнце то словно стеклянное, грѣеть въ плепорцію. Не смѣй грѣть очень ужъ, а то убавять, колнакъ одѣнуть, да лучи подстригутъ „аля социализма“. Парикмахеры. „Это почему этаха сія летитъ шибко? Равно должно быть! Курица не можетъ летѣть такъ шибко, а сія этаха можетъ летать какъ курица, ежели ей крыльця обрѣзать. Обрѣзать тогда!“

А гдѣ тогда слобода, дьяволъ тебя разворотитъ?—Гдѣ она?! Я васъ спрашиваю... Эи, которые тутъ собрались? Слышите вы,—гдѣ слобода, говорю? Ну, кто можетъ объяснить мнѣ? Выходи, коли языкъ не пришилень то-оварищи?!

— Тоисъ, какъ это вы, товарищъ, говорите?

— Постой, а какое ты имѣшь право меня товарищемъ обзывать?

— Теперь всѣ... Свобода.

— А ежели я сволочь кабая, или ты что ви-на-есть гадъ будешь?

— Этого мы не знаемъ, а только въ знавъ равенства.

— Не желаю! Мишка я, хулиганъ,—и все тутъ! Не желаю, чтобы всякая мазня меня товарищемъ обзывала. Ты мнѣ лучше скажи, гдѣ слобода теперь? Нѣтъ, нѣтъ, подавись, знаю, что дурость въ твоихъ словахъ будетъ. Вижу я. Лучше слушай. А, вотъ вы зачѣмъ впримѣръ мнѣ выпить не даете, коли я хочу до смерти, потому душа требуетъ? А? По какому слободному закону вы? Или по какому праву мнѣ на деньги на биллиардъ играть непозволительно, коли я послѣдніе штаны свои спустить желаю? Я проиграть ихъ хочу. По нялъ ты мозгой своей.—про-иг-рать хоч ежели.

— Позвольте присовокупить...

— Молчи, говорю! Все едино у тебя только одно выйдетъ:—„нельзя“. А что же по твоему лъзя-то? не то ли, что твоя дурья голова выдумаетъ, когда тебя шатія „товарищей“ въ атаманы выберетъ? Такъ я долженъ чувствовать то? Понимать? Такъ это слобода по твоему? Эи, вы, которые тутъ?—Слобода это?

А ежели я спую что? Имѣю я значить полное право по закону слободы пѣсно какую произнести? Нельзя? Врешь. На, слушай!..

— „Бо-о-же ца-а-ря храни, си-и-льный дер-жа-а-вный, ца-а-рствуй!“

— Што? Меня битъ?.. А этава хошь?! Разъ!

— И ты, мозглякъ? Два!

— Эво, сколь васъ тутъ!.. Три!.. Вотъ! Разъ! Баць...

— Уффъ! Всѣхъ перебилъ... Будя!.. Теперь тащите въ комиссаріатъ, мозгляки! Теперь спую другую, хоть зарѣжь!..

— „Отречемся отъ здѣшняго мі-і-і-ра...“

— Ведите!..

— „Оттряхнемъ его прахххъ“...

Нузьма Желѣзный.

ИЗЪ „ПАТЕРИКА“ РОССИЙСКАГО.

Отецъ Илюдоръ изыде вонъ изъ міра Въ смиреніи святомъ, не сотворя кумира, Чинъ ангельскій принялъ.

„Сидѣнье“ сотвориша въ Царицынѣ на Волгѣ Погромы учиниша и тамъ оставя долги, Женился... вотъ скандалъ!

Отецъ Восторговъ пастырь въ Москвѣ овецъ стригущій, Крафтъ-Эбинга читавшій святитель вездъ-сущій

Въ Синодѣ засѣдалъ.

Смиренный Володимеръ Триклиний освященный Экзархъ, хоругвеносецъ, союзникъ просвѣщенный,

Портретъ царя убралъ.

Анахоретъ Лавры, молитвенникъ Салона Самъ Птиримъ блаженный и охранитель трона

Въ кутузку вдругъ попалъ, А первый членъ Синода Григорій преподобный Въ безбрачїи и схимѣ лишь похотью голодный

На дно Невы упалъ.

Ал—дръ Некрасовъ.

ВЪ РЕДАКЦИИ „ТРЕПАЧА“.

— Сергѣй, если кто придетъ меня битъ за буржуиство, не пускай.

— А больше-то къ намъ никто и не ходить. Значить, всѣхъ гнать?

— Буржуй собачиной нации: ходитъ въ колочемъ ошейникѣ и питается исключительно мясомъ. Когда мяса нѣтъ, ѣстъ все.

Спать ширмачъ Максимка Стъринъ и видить сладкій сонъ:
 — Провели его ленинцы въ правительство, дали чинъ камергера. На Максимкѣ мундиръ съ золотомъ 56 пробы, камергерская отмычка сзади, а на столѣ харчъ: окорокъ собачьей радости и море денатурки...
 Сладкій сонъ видить Максимка Стъринъ, сотрудникъ «Новой Жизни».

У гадалки.

— Выходит тебя, яхонтовый бубновый туз... Дорога дальняя.. А ты не бойся, сапфировый. Ты влѣвсмотри... Заморскій гость выходить. Держись за него, кричи «дойлой Временное Правительство!» Вернется Николай Александровичъ, и будетъ тебѣ снова счастье, бриллиантовый...

ЛЕВЕДИНАЯ ПѢСНЯ ЭСЪ-ДЕКА

Я грущу, нелюдимый и злой.
Тяжело разставаться съ любовью.
По ночамъ припадаю порой
Весь въ слезахъ къ своему изголовью.
Ты была такъ наивно—проста.
Полубила дразнясь и балуя.
Точно пряниковъ ждали уста
Отъ меня моего поцѣлуя.
Я въ то время былъ скромно одѣтъ.
Въ пообтершемъ пальтѣ и панамѣ,
Но и твой синеглазый патреть,
Тоже былъ не въ особенной рамѣ.
Я грущу.. совершенно больной,
Рокъ поставилъ на все сразу точку.
Ты купила костюмъ „выходной“
Въ Александр. рынкѣ въ расрочку.
И умчались бѣдвые дни.
Недоступными стали объятья.
Нюра „въ новомъ“, а могутъ онѣ
Смать у Нюрочки новое платье.
И теперь, чтобъ съ тобою мнѣ быть,
Надо такъ же стать тонно одѣтымъ.
Перестала эсъ-дека любить
И гуляешь ты нынѣ съ ка-детомъ.

Кузьма Желѣзный.

ЖЕЛѢЗНЫЯ УВѢЖДЕНІЯ.

— Ты зачѣмъ, товарищъ Силантій, стѣнные часы разбилъ?. Пьянъ чтоли былъ?
— Супротивъ пролетаріата идуть. Я предупреждалъ: восемь часовъ ходите, а потомъ отдыхъ. Такъ нѣтъ,—идуть и идуть... Ну я и шмякнулъ ихъ объ печку.

КТО ОНЪ?

Росію продавалъ, конечно.
Аникой былъ для темныхъ силъ.
Самодержавствовалъ безпечно.
Путями грязными ходилъ.
У трона чтился юридическимъ,
Тевтоновъ яро защищалъ.
И мнилъ навѣчно быть счастливымъ,
Но смертью пса—безславно палъ.

Приписывается Дядѣ Михею.

ПРОГРАММНЫЙ РАЗГОВОРЪ.

— Кто это такъ тебѣ личность поковырялъ?
— „Кто—кто“... Извѣстное дѣло, съ большевикомъ разговаривалъ. Да хоть бы человекъ настоящий былъ, а то Костыка Куркинъ... Пальцемъ пришибить можно... Ты спрашиваетъ за кого?

— За свободу.
— А можетъ за Милюкова?
— И за Милюкова.
— Ну такъ мы васъ буржуевъ бить будемъ?
— За проливы?
— И очень просто.
— Насъ бить?
— А ты думаешь что?
— Ну ка, говорю, ударь!

— Онъ это поднялся на цыпочки.. А паршивый парень: отъ земли не видно.. Цаль меня въ ухо..

Я такъ и зналъ, что ударить,

— Знать она,—говорю,—умность ваша. А тоже свобода печати... Учредительное собрание... Рази Милюковъ сталь-бы такъ разговаривать?

— А что?

— Да то, что онъ Милюковъ, а ты Куркинъ.. Понимать надо.

— Это ты на счетъ Константинополя?

— А хоть бы и такъ.

— А по мордѣ хочешь?

— Кто?

— Ты!

— Я? Ну-ка, ударь.

— А онъ, Костя, такой мозглякъ,—догла дѣтъ не на что.. подпрыгнулъ и цаль меня объ это мѣсто.

— Это, спрашиваю, въ какомъ смыслѣ?

— А въ такомъ, что классовое самосознаніе..

— Пролетаріатъ?

— А ты думалъ что?

— А Милюковъ?

— Что Милюковъ?

— Думаешь,—ударилъ бы, а?

— А ты что думаешь?

— Дикость выпя, вотъ что.

— Это ты про аннексию?

— А хоть бы и про нихъ.

— Въ сурьезъ?

— А ты думалъ зря?

— За это, говорить, надо по носу вашего ората...

А самъ маленький, паршивый—истинный Богъ—щенокъ..

Подпрыгнулъ и ррразъ меня въ переносицу. Я поглядѣлъ, поглядѣлъ на него да и плюнулъ:

— Ну тебя къ черту! Этакъ поговоришь съ тобой до вечера, всю личность испортишь!

Игн. Ломанинъ.

ПРИЧИНА.

— Подсудимый Пантелѣвъ, ты говоришь съ голоду пошелъ на кражу Но, вѣдь, ты угналъ у Финогонова цѣлую корову.

— Истинный Богъ, я бы только фунтике два взялъ съ собой, да жога не было.

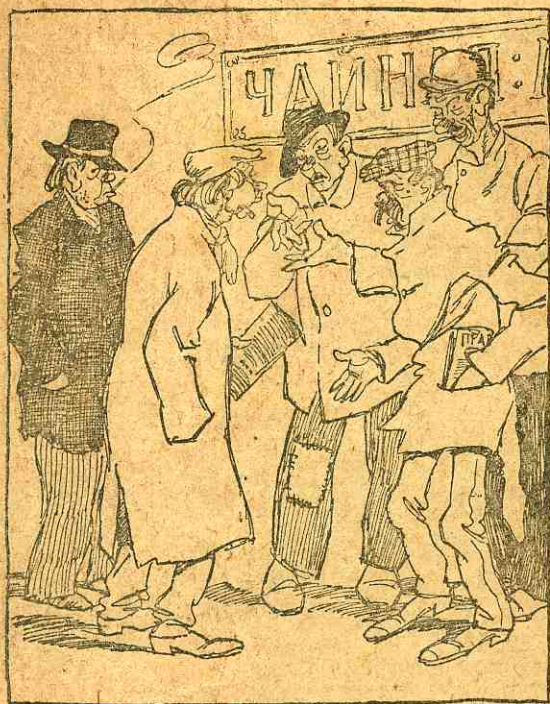
ВЪ КВАСНОЙ

Входитъ милиционеръ.

— Никакихъ инцидентовъ нѣтъ?

— Ни Боже мой. Только одна политура осталась.

Болтаютъ.

— Буржуямъ-сволочамъ надо запретить почки въ мадерѣ, бабы ромовья и вишни въ спирту. Обнаглѣли аны очень. Прикончить и крышка... Теперь — свобода!!! Товаришны!!!

— Плохую политиру даютъ теперь. Болтаешь, болтаешь, а все „черта“ не выходитъ. Рвани, товаришь, изъ пиджака ватки, съ ей лучше дѣло пойдетъ.

„НОВАЯ ЧАСТУШКА“.

Наши Колтовски ребятушки
Не Охтенскимъ чета:
До послѣдняго гайтанушки
Одежа пропита.

Ты, мирюшка, суди строго
Во Шемякиномъ суду.
Только выду изъ острога
Въ милицейскіе пойду.

Влинешь пьяный, — не хотите-ль:
На три года въ рудники!
Притворюсь, что я грабитель, —
На недѣлю въ „Казакъ“.

Мнѣ не надо Милокова,
Терещенку не дли ча:
Подавай мнѣ лихого
Ты Сирегу трепача.

Прощай, улица Зеленина,
Чайнуха „Куренекъ“, —
Ухожу я въ стаю Ленна
Виселый паренекъ.

Пальто ново, сторублево,
Три мотора у крыльца,
Мягка шляпа изъ кастора
И въ Кшесинскаго дворца.

(См. баръ)

У КАМИНА.

(Модный романсъ).

Ты сидишь молчаливо и смотришь съ тоской.
Какъ товарищ ханжу попиваешь,
Какъ стаканъ за стаканомъ невѣрной рукою
Онъ за галстукъ себѣ наливаешь.

Ты грустишь, но о чемъ? Не о прошлыхъ ли дняхъ?

О тѣхъ дняхъ, когда водку давали,
Когда вмѣстѣ съ тобой за одинъ чет-
вертакъ

Сороковку въ обѣдъ вививали.

Да, теперь ужъ не то... И ханжи не достать.
Политиру давать перестали...
Хорошо бы полфунта сейчасъ поболтатъ
И хватить бы безъ горя-печали.

Подожди еще годъ, и не будетъ совсемъ
Тѣхъ напитоковъ, что душу намъ грѣли..
И довольны мы будемъ тогда только
тѣмъ.

Что вспоманемъ, какъ пить раньше
смѣли.

Видно пьянство похоже на тотъ же каминъ.
Удъ сгораютъ все лучшія грезы..

А какъ сидеть безъ денегъ съ похмѣлья
одинъ.

Такъ текутъ изъ глазъ горькія слезы.

375

— Здравствуй, Красная Шапочка.—Здравствуй, Сѣрый Волкъ.—Куда ты, Красная шапочка?—А я иду к маме. И на кой дьяволъ старому черту свобода. Давай ее сюда,—жевать мнѣ охота.—А ты кто, Сѣрый Волкъ?—Я? Я барскій?—Нѣтъ, я ленинецъ... Ну, подавай завтракъ, шкина буржуазная! Ррраул...

ШАПОЧКА

къ своему дѣдушкѣ, Народу Русскому, несу ему свободу.—Гм... Такъ. Ну и дуга, извините меня за выраженіе
Я птица не малая, во дворцахъ живу, барскими коврами олъваюсь, барское вино пью...—Лизоблюдь, значить

ВОЛШЕБСТВО ВЕСЕННЕЕ.

(Для понимающих толкъ въ поэзи).

О, какъ жаль, что вы лишены наслажденія пускать кораблики въ весенней канавкѣ! Вы не повѣрите, какъ въ одно мгновеніе преображается канавка съ немудреной травкой!

Она вдругъ—рѣка, съ крутыми берегами, но болѣе роскошными, чѣмъ берега ручные, а если еще солнце яркими лучами зажжетъ въ водѣ огоньки золотые!—тогда она прекраснѣе всѣхъ рѣкъ широкихъ. Право, такихъ рѣкъ нѣтъ и не будетъ. И кто можетъ созерцать ее въ мечтахъ глубокихъ—тотъ ей никогда не забудетъ!

Развѣ не волшебна изумрудная краса этихъ травъ, что повисли надъ водою—онѣ такія же, какъ по берегамъ—лѣса, по только прекраснѣе вдвое! Прекраснѣе, я буду спорить даже... (Развѣ лѣса ваши такъ прекрасны?) Если, что стоять неподвижно, какъ на стражѣ—названы вами прелестными—на прасно.

Вотъ болотные цвѣты—чудесны! О, какъ они, мечтая, глядятся въ воду... Будь берега рѣкъ такъ прелестны—я благословилъ бы природу!.. Но берега тѣ—просто зеленые и не склоняются надъ рѣкою цвѣты исполины; лѣса, печально-утомленные, не оживляютъ картины.

Вы не повѣрите, но, когда я на лугу смотрю на кораблики и темную воду—мнѣ представляется, что я на берегу широкой рѣвки, а на рѣкѣ—пароходы.

Это оттого, что я молотомъ мечты кую сказки, волшебнѣе-золотыя! Для васъ это—травы и цвѣты;—для меня—лѣса, роскошно-густые. Для васъ мои кораблики—игрушки; для меня—морскіе пароходы. Оттого что ваши мысли забилсь въ клѣтушки, мои—плывутъ по волнамъ свободы.

Но если-бъ вы хотѣли—но развѣ вы захотите?!—вы могли-бы, какъ я, наслаждаться.

Вы только дѣтей попросите—они научать, какъ мечтамъ отдаваться!.

Андрей Солнечный.

V БУРЖУА.

— Снялъ комнату у буржуа, чертъ бы его взять! За коимъ-то дьяволомъ умывальникъ поставили, полъ мытый и огонь какой-то буржуйскій. Никакъ большевику и прикурить невозможно. — Придумываютъ, а все въ вредъ сознательному человѣку... Тѣфу!!

ВПЕРЕДЪ и ВЫШЕ!..

(Вырѣзки изъ газетъ.)

- Ленинцы заняли Зимній Дворецъ.
- + Ленинцы выѣхали изъ Зимняго Дворца.
- Ленинцы заняли дворецъ герцога Лейхтенбергскаго.
- + Ленинцы выѣхали изъ дв. герц. Лейхтенбергскаго.
- Ленинцы заняли дворецъ М. Кшессинской.
- × Ленинцы выѣхали отъ Кшессинской.
- Ленинцы заняли домъ Дурново.
- × Ленинцы выѣхали отъ Дурново.
- Ленинцы заняли политурный заводъ Маркса.
- × Ленинцы выѣхали отъ Маркса.
- Ленинцы заняли квартиру столера Чебутыкина.
- × Ленинцы уѣхали отъ Чебутыкина.
- Ленинцы заняли пансіонъ безъ древнихъ языковъ Анны Марковны въ Чубаровомъ.
- × Ленинцы уѣхали изъ Чубарова.
- Ленинцы заняли шинюкъ на Обводномъ.
- × Ленинцы не уѣзжаютъ.
- Ленинцы все еще держатся.
- × Ленинцы не сдаются.
- Ленинцы держатся. Ноги сдали.
- × Ленинцы держатся.
- Ленинцы подъ столомъ.
- × Ленинцевъ повезли.
- Ленинцы на Казачьемъ угрызаются.
- Просятъ похмѣлки.
- × Ленинцы заняли двугривенный у надзирателя.
- Ленинцы заняли пятиалтынный.
- × Ленинцы заняли гривеникъ.
- Ленинцы вышли на работу.
- Чортъ свинячій.

КОРЫСТОЛЮБІЕ.

— Поработа-тъ-бы ты Васька, чѣмъ по митингамъ шляться. Успокойтъ бы мать старуху.

— Я, мамашечка-съ, работаю. А вчера на Невскомъ стрѣлялъ въ солдатъ.

— Да корысть-то какаядь?.. Изъ стрѣльбы шубы не сошьешь.

— А Юревичъ обѣщалъ заплатить. Это грить, вамъ даромъ не пройдетъ. Заплатитъ видно хочеть.

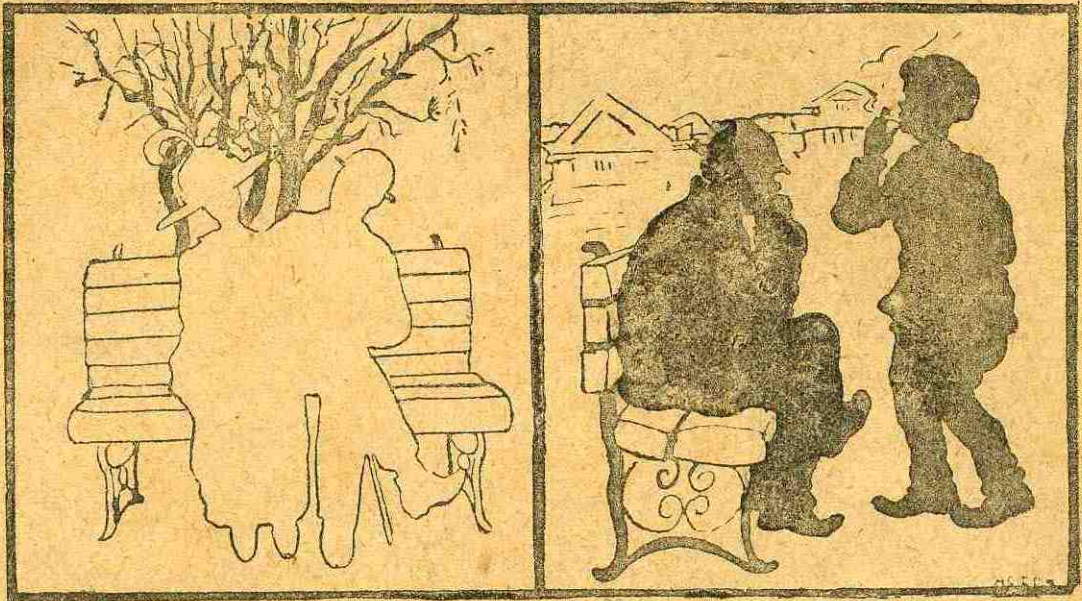
РАСЧЕТЛИВОСТЬ.

— И сквалыга-же эта Прасковья! И сегодня чичего не варила, не готовила..

— А какъ-же завтра?

— А завтра сегодняшнее разогрѣвать будетъ.

Бѣлые и черные.

Загадка на премию. Въ этихъ рисункамъ нужна подпись. Кто пришлетъ изъ читателей самую веселую, самую острую, самую злободневную, тотъ получитъ премию. Какая премія—тамъ будетъ видно, но очень солидная! Эй-Богу!

СМЕРТЬ ДВУХЪ МИЛИЦІОНЕРОВЪ
ОТЪ ЧЕРНАГО АВТОМОБИЛЯ.

(Убийство въ пяти дѣйствіяхъ).

(Дѣйствіе происходитъ ночью на углу Невскаго и Литейнаго. Съ правой стороны тускло светитъ фонарь. Видны фигуры двухъ милиціонеровъ, съ винтовками...)

1-й милиціонеръ. Товарищъ, вы слышали, что вчера опять въѣхалъ черный автомобиль и стрѣлялъ въ милиціонеровъ?

2-ой милиціонеръ. Да! Но я думаю, что въ этомъ виноваты сами милиціонеры, не сумѣвшіе задержать его...

1-й милиц. Върибе, они не хотели или испугались... Отъ насъ бы онъ не ушелъ ни въ какихъ случаяхъ!..

2-ой милиц. Ни въ какомъ!

1-й милиц. Мы-бы за него свой животъ положили!..

2-й милиц. Да ужъ разумѣется—положили-бы. *Вдали слышенъ гудокъ автомобиля и стукъ мотора... Оба милиціонера вздрагиваютъ и всматриваются въ темноту.*

2-й милиц. Товарищъ! Мнѣ обязательно надо сбѣгать въ аптеку, нужно мозольный пластырь купить... У меня кровь носомъ хочетъ идти!..

1-й милиц. Такъ вы себя постоитъ здѣсь, а я сбѣгаю за компанію. Мнѣ тоже надо въ аптеку... У меня зубъ выскочилъ!..

(Къ спорящимъ милиціонерамъ поднимъя голову приближается черный автомобиль, выкрашенный въ голубую краску... Фонари его преступно сверкаютъ... Раздается оглушительный звукъ сирены... Оба милиціонера падаютъ на землю убитыми, на сцену выбѣгаютъ поздніе гуляки...)

Голосъ изъ провинціи (возмужавшо). Что случилось? Убиты милиціонеры?... Черный автомобиль?... Ради Бога!..

Голосъ изъ толпы. Ерунда! У автомобиля шина лопнула... Не понимаю, отчего только упали милиціонеры?... Пойдемте къ нимъ!..

Одинъ изъ позднихъ гулякъ. (Идетъ, идеть по шатыва с.)

Н-ну и ф-фунты!.. Хл-опы!.. Б-бумы!.. Чикъ и готово! Дай прикурить и удовольствію получишь... Я-д-д-умаль, квасъ для ханжи... Ахъ тебѣ ш-ш-шина лопнула... Ба-а-тюшка... Никакъ Ванька съ Митькой до ч-ч-ертиковъ... Готовы... Лежатъ!..

(При приближеніи гулякъ и голосовъ милиціонеры медленно приподымаются, осторожно ощупывая себя руками...)

1-й милиц. Товарищъ! Вы не убиты?

2-й милиц. Я? Кажется—нѣтъ!.. А вы?

1-й милиц. Я, кажется, уже померъ—отъ меня уже трупный запахъ идетъ!..

(На сценѣ висятъ топоры, лапти... Занавѣсъ медленно выхватывается фартовыми ребятами...)

Винтеръ въ ботинкахъ

— И бы я была балериной, съ царемъ ба жила. Шпиртъ ба чистый глотила съ печенкой, въ
Ашмиде ба сидѣл.

Тидь ба жидо. Тидь црь одинъ былъ, а тидерича 300 головъ,—правительство. Не разжи-

НОВАЯ ПЬЕСЕНКА

Я сошью турниръ по модѣ.
 Буду баять о слободѣ...
 Гражданка ты моя,
 Распрогражданка моя.
 Я съ миленочкомъ стояла,
 Рѣчи были просто шикъ,
 А теперча я узнала,—
 Онъ, слышь, баяють большевикъ.
 Гражданка ты моя,
 Распрогражданка моя.
 Я поѣду до Любани,
 Политани я куплю,
 Политани милой Танѣ
 Мазать бѣлое лицо...

СТРУЖКИ.

— Ну и буржуй у насъ хозяинъ! На тридцать человекъ въ мастерской 16 градусовой температуры. По 2 градуса не приходится.

Когда одного „ученаго“ іерарха спросили о Дарвинѣ, то онъ глубокомысленно замѣтилъ: „Дарвинъ безбожникъ и шарлатанъ“
 На вопросъ „почему?“—іерархъ отвѣтилъ:
 — Да.. говорить онъ—обезьяну выдумалъ.

Одного нестяжимаго іерея спросили: возможно ли вообще безропотно подставить для удара другую щеку?

— Отчего же?—отвѣтствовалъ пастырь—если вы при томъ подставляете обѣ руки.

— Я, баринъ, тепереча въ деревню къ женѣ ѣду.

— Чего ты тамъ не видалъ?

— Какъ что? А дочку. Теперъ ей поди пятый годокъ.

— А давно самъ жену-то не видалъ?

— Да лѣтъ девять почитай...

ОШИБКА.

Альковъ хранилъ ея покой,
 Крутая грудь вздымалась ровно.
 Безтемпераментной такой
 Была Пульхерія Петровна.

Ей снился съ кремомъ шоколадъ,
 Въ холодныхъ сливкахъ земляника,
 Пирогъ, телятина, салатъ,
 Шафранъ, корица и гвоздика.

Горѣлъ дѣвицы яркій ротъ.

Но оправлялъ ѣло ретиво

Свою обязанность Зреть.

Вадрогнула чуткая тетива,

Сверкнула острая стрѣла

И болью трепетной зажгла

Дѣвицы тѣло молодое,

Непостижимое такое,

Угнало сладостные сны.

Дрожить Пульхерія Петровна,

Какъ звукъ оборванной струны,

Хотя и ранена безкровно.

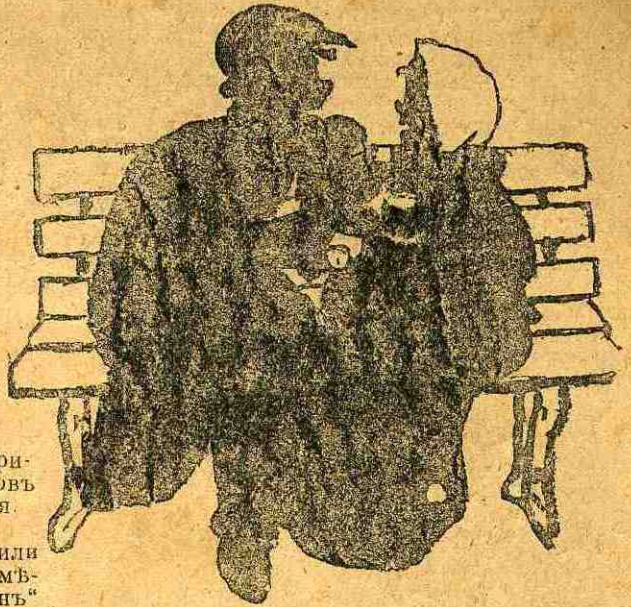
Была-ль тому виною мгла,

Но только сжался болью ротикъ.

Зрота чуткая стрѣла

Вошла не въ сердце, а въ животикъ.

Георгинъ.

— А я ѣхала изъ деревни, думала съ тобой вмѣстѣ жить.

— Не, Матрена, теперъ ты мнѣ не ровня. Я теперича надо всеми ассенизаторамъ ихній удолномоченный, потому завсегда на первой бочкѣ ѣзжу, а теперича въ „Правдѣ“ статьи пишу на счетъ иностранной политики.. А ты баба несознательная.. Да-а...

ЗА СВОИ ДЕНЬГИ.

Кинематографъ. Идетъ видовая. Такъ какъ подъ видовыя картины музыки вообще не бываетъ, то пианистка и скрипачъ сидятъ и устало тупымъ взоромъ смотрятъ на экранъ.

— Гришь, а Гришь, какова они лѣшова не играютъ на музыкѣ-то?

— А, чертъ ихъ знаетъ. Лодыря корчатъ.

— Не, Гришь, послухай! Вѣдь мы съ тобой деньги кажись платили, такъ ты намъ и дай на всѣ девять гривенъ, а закливать-то не модели Вѣрйо?!

— Э, Васюха, ча во говорить, тно—извѣси буржуи.

— А вѣдь и вѣрйо буржуи! Не, я, братъ, не дамъ буржуямъ надъ пролетаріемъ ломаться! Эй, музыку давай! Какова чорта деньги то беретъ, а музыку закливае!

Окрики Васюхи, полные возмущенія и негодованія на буржуевъ, сидѣвшихъ у пиано, не подѣйствовали и онъ снова гаркнулъ:

— Слышь, буржуи, музыку давай!

— Товарищъ.—послышался тихій шопотъ сидѣвшаго рядомъ реалиста.—не мѣшайте глѣдѣть. Да и какіе же это буржуи? Вѣдь это такіе же труженики и къ тому уставшіе, отыгрававъ два сеанса.

Васюха повернулся къ реалисту и, смѣривъ его съ ногъ до головы, сказалъ:

— Полно. Ты намъ очковъ то не втирай,—сами понимаемъ, а баки то намъ неча вкручивать. Ежели ты не буржуй, такъ иди молотомъ колотить, а не тренькай тутъ на рояляхъ-то.

ЛОГИКА.

Прямо дѣло буржуи. А то ишь выпялятся въ крахмаль да фракъ и ну кочевряжиться надъ пролетаріемъ!

Подождавъ съ полминуты, Васюха вдругъ саявилъ.

— Да ты и самъ то буржуй. Тоже ясны пуговицы нашилъ и кочевряжишься!—Васюха даже побтодвинулся немножко отъ реалиста, адѣлавъ такое открытіе, и снова завопилъ:

— Слы-ышь, буржу-уи, музыку давайте!

Началась драма и его желаніе было исполнено.

Шулга-Булга.

— Болтають, болтають...— „Свобода сходокъ“... „Свобода печати“... А оно вона: овощная запечатана, а къ картофи цѣна совсѣмъ не сходная.

РАЗДУМЬЕ.

Говорять, что мы обезьяны.
Говорять, что мы—боги.
Не знаю. Я всегда пьяный
И скоро лягу на дроги.
Повезуть меня и зарюютъ.
Никто не заплачетъ. Однако!
И даже нигдѣ не завоетъ
Ни одна, ни одна собака.
Потомъ снова заспорять:
Боги мы или гориллы?
И—подсолнухами насорять
На краюшекъ моей могилы

Китобой.

* * *

— По какому поводу онъ тебя билъ?
— Да все по боку... все по боку...
— А не говорилъ, на какомъ основаніи?
— На плитуаръ сначала, а потомъ на мостовой. Тутъ и по рылу попало...

* * *

— Александръ Ивановичъ, здравствуйте!
— Что то не узнаю васъ.
— Не можетъ быть?
— Представьте.
— Ну значитъ вы меня по ошибкѣ вчера за шуллерство въ клубъ забили.

— Слушай, Федя!
— Ну!..
— А я сегодня у двorca Кшесинской былъ!
— Ну!..
— Слушалъ, что тамъ говорили.. Представъ: призываютъ къ грабегамъ!.. Въдь это же возмутительно!..
— Ну!..
— Чего „ну“?... Потомъ на Невскій попалъ... Тамъ чортъ знаетъ, что творилось!.. Стрѣляли въ безоружныхъ людей!..
— Ну!..
— Какъ такъ „ну“?... Пойми ты, что даже меня ранило въ руку!.. Полюбуйся, видишь: забитована!.. Навылетъ!.. Боль ужасная!..
— Ну!..
— Чортъ тебя поberi!.. Дьяволь ты этакій! Что ты, дубина безчувственная, все свое „ну“ зарядилъ?..
— Выпить хо-о-о-чется!..

Джонъ.

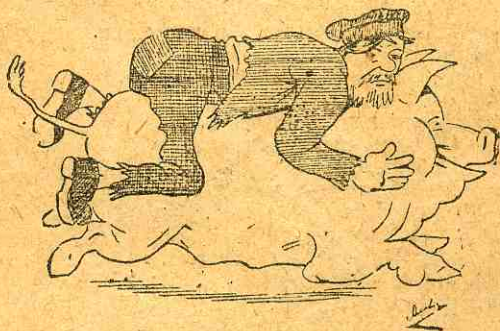
ЭНЦИКЛОПЕДІЯ «ТРЕПАЧА»

Голова человѣчья и все что на ней.

Рыло. Морда. Хари. Образина. Рожа. Хрюкало. Карточка. Физика. Портретъ. Плевательница. Циферблатъ. Мурло. Ыдало. Кумполь. Машинка. Волосное правленіе, Чердакъ. Котелокъ. Башка. Тыкваина. Винты. Носопырка. Нюхъ. Буркалы. Бѣльмы. Зенки. Глядѣлки. Рупоръ. Хлебало. Хрипало. Жвачка. Фасадъ. Гамкалы. Очки. Хоботь. Жернова. Ликъ. Лупетка. Мурлетка. Физиомордія. Маска. Фыр-кало. Головизна. Культяпка. Горшокъ. Болванка. Шаръ. Кочанъ. Самоваръ. Брыны. Стропилы. Руль. Переѣздъ. Жабры. Сопатка. Чихало. Флюгеръ. Проекторъ. Вьюшки. Зепалы. Курнофейка.

ДОБРОСОВѢСТНЬЕ.

— Намъ для мастерской градусникъ надо.
— Извольте. Вотъ Редмюра, а вотъ Цельзія.
Цѣна одна и та же.
— А разница въ чемъ?
— У Цельзія показывается 25 градусовъ, а у Редмюра—20.
— Давайте Цельзія, — добросовѣстиве нъ, значить.

— Я Временному Правительству не доверяю Я на своемъ демагогъ поѣду... Гай-да, тройка!!

Это та самая пломба, которой был запечатан въ Германіи телячій салонъ-вагонъ съ Ленинымъ.

ВЪ СЕРДЦАХЪ.

— Подсудимый Мурлыгинъ, вы признали, что дали студенту плюху по ошибкѣ, принявъ его за анархиста вмѣсто большевика. Зачѣмъ-же вы его еще и ногой-то пнули?

— Со злости даль, товарищъ судья: очень ужъ я озлился, что обознался.

ПОЧТОВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ „ТРЕПАЧА“.

И. Стэнли. Давайте чегонибудь бытового. Будетъ политика. Сив. Тосализому. Очень длинно. Давайте короче и погмъшите. И. Коняеву. Используйте. Очень хорошо! Съездъ Никанора. Давай какъ можно больше. Гонораръ плачу на бочку. Хочешь натурой, хочешь—денатурой. А вообще приди вечеркомъ. Закусимъ. Всен. Павленко. Не тово... какъ ево... мы къ разказу со всей душой подошли, а онъ не подходитъ. „375“ Когда опохмѣлились, пришли пакетъ. Великолѣпно началъ. 21 р. за бутылъ небалованнаго теперь не дорого. Н. Сухареву. Премія къ „Трепачу“ будетъ выдана всемъ годовалымъ и полуголовымъ подписчикамъ. А „годовымъ“ я написалъ въ затмении чувствъ. Шулину. Идетъ то и другое. Давайте. Если надо, возьмите авансъ. А. Клем. Ну ст. Одно идетъ. Ваня Шалопай из-за Невской. Старательности больше,—небрежно пишешь. Глузову. Задней ногой не пиши, старайся больше гередней. Анофру. Давайте мелочей больше. Нулину. Идетъ. Гоните еще. В. В. Клиноному. Куда ни кинь, збб. Клинь, а ианъ про Торжокъ нал. Опять же пишете хуже даже Пушкина. Богатыреву. Такихъ вещей побольше. Гдѣ списали? Н. Михайлоку. Политич. сагира у васъ прѣсновата, а легкомыслие слишкомъ слобносе. А я человекъ нравственный. А въ общемъ—писать можете. А. Титову. Зналь я одного Титова, Костыкой звали. Не тотъ вы Титовъ? Архилу Занозѣ. Еще немного,—я будетъ хорошо.

Издательство „Трепачъ“.

Редакторъ Евст. Богоявленскій.

Принимается подписка: до конца года—6 р., на 6 мѣс.—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—1 р. 90 к. Отд. №№—20 коп., на станц. жел. дор. 25 коп.

Редакція: Вознесенскій, 45. Тел. 58-00 и 494-75.

Контора: Вознесенскій, 45. Тел. 107-88.

— А кто есть внутренний врагъ, Кошкодавленко?
— Такъ что которые въ гавридакахъ ходють, чвайкають съ булкамъ, бруки на улицу скрозь спюги и въ баню одють. Надо не надо пять разовъ въ годъ. Аны идють супротъ Престолю-Отечества до послѣдней капли крови